

Ася Вебер

Научи меня жить

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ася Вебер

Научи меня жить

«Автор»

2026

Вебер А.

Научи меня жить / А. Вебер — «Автор», 2026

После войны он возвращается в родной город, где его уже никто не ждёт. В попытках собрать себя по куску он встречает её — девочку из прошлого, но уже взрослую, красивую и удивительно живую. Её жизнь тоже оказалась не проста: неудачный брак, выбивший из колеи, заставивший по-новому взглянуть на себя, людей и свои желания. Простые встречи, разговоры и совместные вечера становятся для них обоих чем-то большим, чем просто случайной отдушиной. Для него она — тепло, смысл и причина снова учиться жить. Для неё он — человек, рядом с которым можно заново собирать себя, разбираться в собственных чувствах и осторожно верить, что впереди ещё есть что-то хорошее. Но прошлое не отпускает так легко. Старые ранения, потеря близких, страх привязанности, боль от прежних ошибок и неуверенность в будущем встают между ними и возможностью быть вместе. Это история о возвращении, которое оказалось началом. О двух людях, сломанных разной болью, но всё же нашедших друг в друге опору, надежду и тихое спасение.

© Вебер А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Рей	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Ася Вебер

Научи меня жить

Рей

В парке всегда было живо, он никогда не пустовал, здесь никогда не было тишины. Где-то за деревьями, на поляне, раздавался детский смех, пацаны гоняли по дорожке уже потрёпанный мяч. На скамейке напротив пожилая пара кормила голубей, обсуждая что-то своё. Ветер шелестел листьями, солнце ласкало кожу, откуда-то со стороны озера доносился запах влажной земли и скошенной травы.

Мужчина сидел подальше от людных аллей. Верхняя пуговица рубашки была расстёгнута, руки смиренно сложены на коленях. Со стороны — обычный мужчина в отпуске, уставший, молчаливый, жаждущий спокойствия. Но под лёгкой тканью предательски тянуло швы, плечо разрывалось при каждом движении, словно намеренно напоминая всё то, что разум так отчаянно пытался забыть.

«Повезло», — сказал тогда врач. Командир повторил то же самое, а за ним и сослуживцы. И все вторили это слово так, будто бы оно само по себе могло объяснить, почему он сидит здесь, в парке, почему не остался там — среди дыма, отчаянных криков и земли, разлетавшейся в стороны всякий раз после взрыва.

Скамья была нагрета солнцем, но мужчина всё равно чувствовал холод. Он смотрел на свои руки, которые так и лежали на коленях. А руки дрожали... Глаза сомкнулись всего на долю секунды — а вместо парка вокруг оказалось поле боя. Детский смех стал обрывками команд, вторящих по рации. Удар футбольного мяча о дорогу — выстрелом. Шелест листвы и травы — треском пыли и мелких камней под ногами.

Перед глазами проносились лица тех, с кем он был тогда бок о бок. А потом чьи-то руки потащили его за бронезилет. Кто-то звал его охрипшим голосом. На ладони собственная кровь — горячая, тёмная, липкая...

И здесь он раскрыл глаза по-настоящему.

Перед ним всё так же был парк. Солнце сквозь густые кроны деревьев ложилось пятнами на дорожку. Голуби сустились у ног стариков. Жизнь продолжалась — упрямо, безразлично, будто бы ничего больше не происходит в мире.

Мужчина провёл холодной ладонью по вспотевшему лицу и рискнул прикрыть глаза в расслаблении.

Отпуск. Так это называлось у обычных людей.

Но внутри него война ещё не закончилась. Она казалась за каждым тёмным углом, мимо которого он проходит. Она слышалась в каждом шорохе, раздававшемся где-то сзади. Где-то в толпах всегда чудилось то самое подозрительное лицо, которое пришло завершить незаконченное дело. И никуда не пропадало чувство, что ещё там, на линии фронта, жизнь должна была закончиться, он не должен был вернуться в родной город, не должен был гулять по парку. Он больше не должен был возвращаться к забытой гражданской жизни.

Он уже давно не брал отпуск, давно продал свою квартиру. По возвращении узнал, что в городе родных не осталось, его ждала только завещанная ему квартира родителей, которых не стало пару лет назад.

Когда он впервые открыл дверь своим ключом, замок провернулся слишком легко, словно квартира ждала его. В прихожей было тихо. И это не та спокойная тишина, когда кто-то спит или читает в соседней комнате, а мёртвая, неподвижная... В ней не было дыхания дома. Не было звука включённого телевизора, звона посуды, ворчания отца, голоса матери.

Он стоял на пороге, не решаясь пройти дальше, с сумкой в руке и болью практически на половину тела, которая вдруг показалась ему почти неважной, незаметной.

На войне он много раз думал о доме, каждый божий день, а то несколько раз за день. Цеплялся за этот образ, как за последнюю нитку своей жизни: только бы вернуться, открыть дверь, услышать родные голоса, сесть на кухне, молчать, пить чай, пока мать суетится рядом, а отец рассказывает всё, что его сын пропустил.

Но война закончилась для него не возвращением. Она просто сменила декорации.

На линии фронта он терял людей быстро — в один миг, в одном взрыве, в одном приказе, в одной ошибке. Здесь потеря была другой: растянутой, тихой. Родители умерли не на его руках, не при нём. Он не успел попрощаться. Не успел попросить прощения за крайне редкие звонки, за короткие ответы, за вечное «потом поговорим». За то, что выжил где-то далеко, но не оказался рядом, когда был нужен здесь.

И это чувство разъедало сильнее, чем раны.

Он ходил по квартире, узнавая каждую мелочь, и каждая из них была точнее осколка. Чашка матери с тонкой трещиной у ручки. Отцовские очки на полке. Старые тапочки у дивана, которые никто так и не убрал. Фотография в рамке, где он ещё мальчишка — худой, растрёпанный, с разбитой коленкой и широкой улыбкой человека, который ещё не знает, как много однажды потеряет.

Он смотрел на эти вещи и не понимал, что с ними делать.

Выбросить — предательство. Оставить — пытка. Жить среди них — значит каждый день просыпаться в музее собственного прошлого.

Город за окнами шумел, люди спешили по делам, кто-то ругался во дворе, кто-то смеялся, хлопали подъездные двери. Всё было обычным. Невыносимо обычным. Мир не остановился. Никто не заметил, что для него исчезло последнее место, куда можно было вернуться.

Он приехал в родной город, но оказался чужим даже здесь.

На фронте у него были позывные, задачи, товарищи, приказы. Боль была понятной, страх — привычным, а смерть — всегда рядом. Здесь же не было ничего, за что можно было ухватиться. Ни роли. Ни цели. Ни человека, который сказал бы: «Ты дома».

Только ключи в кармане. Только квартира, доставшаяся по завещанию. Только город, где его никто не ждал.

И он сидел в этой тишине, слушал, как где-то на кухне мерно капает кран, и пытался осознать простую, страшную вещь: он вернулся живым — но возвращаться ему было уже некуда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.